

ПУШКИНСКИЙ УГОЛОК

МУЗЕЙНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ (№2)

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК К 188-й ГОДОВЩИНЕ НАЧАЛА
МИХАЙЛОВСКОЙ ССЫЛКИ ПОЭТА

П. Т. Фомин. Пушкин на дороге из Тригорского в Михайловское. 1962

Дорогой читатель! Настоящий выпуск «Пушкинского уголка» приурочен к 188-й годовщине начала михайловской ссылки поэта. Традиционно главным музейным событием последнего летнего месяца были и остаются Михайловские Пушкинские чтения, которые пройдут с 16 по 18 августа. Их нынешняя тема - «Пушкин и 1812 год» - получила внушительный отклик со стороны учёных Москвы и Подмосковья, Петербурга, Воронежа, Пскова и даже Эстонии (Тарту) и Казахстана (Алма-Ата). С нею перекликаются материалы нашего выпуска, посвящённые 200-летию Отечественной войны, 200-летию Н.Н. Пушкиной, 220-летию П.А. Вяземского.

Вторым по значимости музейным событием августа следует считать 50-летие открытия Дома-музея Осиповых и Вульффов в Тригорском. В музейно-информационном издании ему отведено центральное место.

Остальные материалы выпуска отражают наиболее значимые страницы музейного Календаря за период, прошедший со времени XLVI Пушкинского Праздника поэзии.

От редакции

У Пушкина в Михайловском

21 июля нынешнего года стало особым днем в череде будней Пушкинского Заповедника. Здесь проходили мероприятия Всероссийского масштаба – заседание Комиссии Общественной палаты РФ по культуре и сохранению историко-культурного наследия и церемония вручения Всероссийской премии «Хранители наследия – 2012», учредителем которой является Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). В этот день к нам съехалось очень много гостей – уважаемых и близких музею людей. Это были наши коллеги, директора и сотрудники музеев-заповедников «Поленово», «Ясная Поляна», «Куликово Поле», «Изборск», «Елабуга», «Плесский», «Кенозерье», мемориальных усадеб «Архангельское» и «Полибино», пушкинских музеев Москвы и Санкт-Петербурга. Для участия в запланированных мероприятиях приехали статс-секретарь – заместитель Министра культуры РФ Г.П. Ивлеев, председатель Центрального совета ВООПИиК Г.И. Маланичева, представители ВООПИиКа из Удмуртии, Новгорода, Санкт-Петербурга, Перми, Москвы, Рязани, Пскова. Музейщики, архитекторы-реставраторы, археологи, культурологи – поименный список был бы необычайно длинным. Всех объединяли – радость встреч, разговор на общие волнующие темы, обсуждение общих проблем и вопросов, повествования о новых успешных музейных начинаниях.

Заседание Комиссии Общественной палаты РФ. Фото Н. Алексеева

В первой половине дня состоялось заседание Комиссии Общественной палаты РФ по культуре и сохранению историко-культурного наследия. Предложенная для рассмотрения тема – «О сохранении и развитии музеев-заповедников России» – никого не могла оставить равнодушным. Ведущими заседания были председатель Комиссии П.А. Пожигайло, советник Президента РФ В.И. Толстой и статс-секретарь – зам. Министра культуры Г.П. Ивлеев. На заседании обсуждались вопросы, касающиеся мониторинга деятельности музеев-заповедников в 2013 г. (докладчик К.П. Михайлов, член Координационного совета общественного движения «Архнадзор»), Положения о гос. историко-культурной экспертизе – конкретно о полномочиях Комиссии по аттестации экспертов (докладчик Г.И. Маланичева, председатель ЦС ВООПИиК), комплексные программы культурно-познавательного туризма музеев-заповедников с учетом наработанного опыта и государственной поддержки (докладчик Г.Н. Василевич, директор Пушкинского Заповедника). У многих участников и приглашенных на заседание Комиссии была возможность озвучить большие проблемы своих музеев и свое видение в решении общих вопросов по сохранению и развитию нашего культурного достояния.

Вторая половина дня была особо праздничной. На знаменитой поэтической поляне в Михайловском состоялась церемония вручения Всероссийской премии «Хранители наследия – 2012». Она собрала более двухсот человек – друзей, коллег, соратников, деятелей культуры, участников церемонии, представителей разных организаций, пришедших поздравить новых лауреатов. Их было девять человек, и при объявлении каждого из них звучал шквал аплодисментов. Мы сердечно рады поздравить с получением премии наших друзей и коллег:

В.И. Толстого, экс-директора Гос. музея-заповедника Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», советника Президента РФ по культуре и искусству;

Н.Н. Грамолину, директора Гос. мемориального историко-художественного и природного музея-заповедника В.Д. Поленова;

В.А. Лебедеву, архитектора-реставратора (г. Псков);

Я.Г. Мельника, профессора, руководителя обрядов доброхотов из Национального Прикарпатского университета им. В. Стефаника (г. Ивано-Франковск);

В.М. Перевалова, генерального директора группы компаний «Пчёлка» (г. Великий Устюг);

Г.Р. Руденко, генерального директора Елабужского Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника;

В.П. Румянцеву, заведующую мемориальным музеем-усадьбой С.В. Ковалевской в Полибино (Псковская область, Великолукский район);

Е.В. Соседова, председателя совета Московского областного отделения ВООПИиК;

Е.Ф. Шатковскую, директора Национального парка «Кенозерский».

Н.Б. Василевич,
начальник службы информации и международных связей

... Я был далеко:

Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.
Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.

.....
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль шепот речки тихоструйной...

1824

А.С. Пушкин

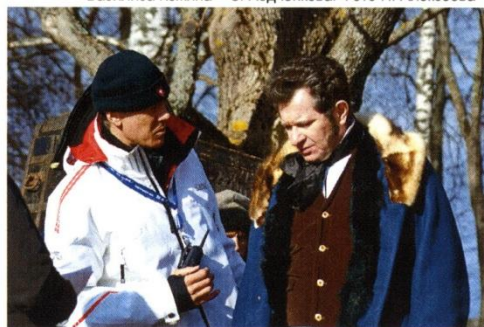
Из «Разговора книгопродавца с поэтом»

Лауреаты премии «Хранители наследия – 2012». Михайловское, 21 июля. Фото Н. Алексеева

Василиса Кожина – С. Ходченкова. Фото Н. Алексеева

Режиссер Антон Сиверс и актер Андрей Ильин
Фото Н. Алексеева

«Гости съезжались на дачу». Фото Н. Алексеева

СНИМАЕТСЯ КИНО...

Весной, в марте, а потом уже и летом в Тригорском, в Бугрово, в Петровском можно было наблюдать необычную картину. Большое количество машин, совершенно разных. Начиная от просто легковых и заканчивая теми, что перевозят лошадей. А еще, вдруг появлялись люди, одетые в костюмы начала XIX века. Солдаты и офицеры времен нашествия Наполеона. Все это шумело, двигалось. Вот несколько лихих гусар промчались верхом...

Это киностудия "Черепаша" снимает фильм о войне 1812 года. И главной героиней этой киноистории стала крестьянка из Смоленской губернии Василиса Кожина. Ее роль в фильме исполняет актриса Светлана Ходченкова. На съемочной площадке была также замечена любимая многими зрителями актриса Ирина Розанова. И если С. Ходченкова была замкнута, немногословна, то Ирина Юрьевна была в хорошем настроении. Шутила и подбадривала других участников творческого процесса. В фильме снялся обаятельный актер Андрей Ильин. Он довольно много снимается в кино. Это сержант в фильме Петра Тодоровского "Анкор, еще анкор!", муж Каменской в одноименном сериале. Но, пожалуй, самая необычная его работа - это роль Альберта Эйнштейна в сериале "Вольф Мессинг: видевший сквозь время".

Надо сказать, что несколько сотрудников Пушкинского Заповедника тоже приняли участие в съемках. И поначалу их было трудно узнать в этих крестьянах, пленных французах и бравых офицерах. Одежда и работа гримеров творила чудеса.

Съемочный процесс - дело непростое. Кто-то раньше времени прошел, кто-то задержался, а кто-то не сказал нужного текста. Режиссер нервничает: стоп! Перерыв. Гримеры сразу начинают поправлять грим у актеров, костюмеры платье у героини, головной убор у молодого человека. Внимание! Мотор! Начали сначала. И так целыми днями под жарким солнцем и проливным дождем!

И все ради искусства.

Сидя в зрительном зале, мы порой, если это хороший фильм, переносимся в тот придуманный мир, сопереживаем героям, любим или, наоборот, презираем их. И не перестаем удивляться потом - как же так, все ведь придумано, а нас это трогает. И тем больше нас охватывает любопытство, когда мы видим съемочную площадку. Как же создается эта новая жизнь? Как и кого изображают эти люди? Французский сценарист и режиссер Жан-Люк Годар как-то заметил: "Фотография - это правда. А кино - это правда 24 кадра в секунду". И, глядя снова и снова на белое полотно экрана, мы верим в эту "киношную" правду.

Ну как тут не вспомнить Александра Сергеевича: "Я сам обманываться рад!"

Н. Алексеев
ведущий специалист службы музейной информации

Памятник герою Отечественной войны 1812 года

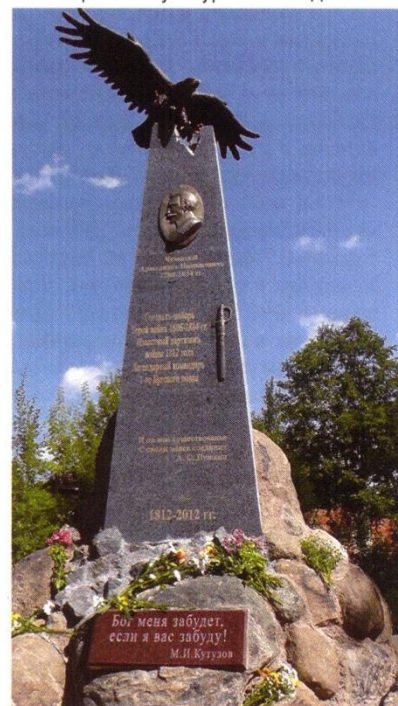
27 июля 2012 г. в пос. Бежаницы на ул. Комсомольской в торжественной обстановке состоялось открытие памятника герою Отечественной войны 1812 г., отставному генерал-майору Александру Николаевичу Чеченскому. В церемонии приняли участие председатель государственного комитета Псковской области по культуре Александр Голышев, исполняющий обязанности председателя Псковского областного Собрания депутатов Виктор Антонов, председатель Центра чеченской культуры «Барт» Саид Дукаев, специалисты Псковского государственного университета, музейного сообщества, жители Бежаницкого района, сотрудники Пушкинского Заповедника. Кроме того, на торжество прибыли председатель парламента Чеченской Республики Дукуваха Абдурахманов, заместитель президента Ассоциации чеченских обществ и культурных объединений России Руслан Магомаев. Из Санкт-Петербурга и Москвы почтить память героя Отечественной войны прибыли представители органов исполнительной власти, чеченской диаспоры, общественных организаций и бизнеса, а также меценаты, по чьей инициативе был воздвигнут памятник. Право открыть монумент было предоставлено меценату Султану Юсупову и его супруге Марьям Вахидовой, главе Бежаницкого района Анатолию Трофимову, главе администрации Бежаниц Геннадии Андрееву и меценату - генеральному директору фирмы «Казбек» Ильмади Абуезидову.

Инициаторами установки монумента явились российский публицист Марьям Вахидова и преподаватель Грозненского университета Шарип Окунчаев. Монумент был изготовлен в Дагестане. Скульпторы вложили в него символический смысл: на четырехметровой монолитной железобетонной стеле, облицованной полированным гранитом, размещен барельеф Александра Чеченского и его золотой сабли. На вершине - орел. Отныне памятник славному герою Отечественной войны 1812 г. стал символом единства и героизма всех народов России.

А.Н. Чеченский (наст. имя Али Алхазурович) родился в 1780 г. в чеченской семье. Во время военной кампании на Кавказе в результате набега русской армии на аул Алды он в пятилетнем возрасте осиротел, попал в плен, но, по воле судьбы, был взят на воспитание будущим русским полководцем, героем Отечественной войны 1812 г., генералом от кавалерии, а тогда ещё подпоручиком, Николаем Николаевичем Раевским, дружкой с которым гордился А.С. Пушкин. Начав службу с 1794 г., Чеченский с честью прошёл всю войну с Наполеоном, участвовал в заграничных походах русской армии. Среди его наград были такие ордена, как Св. Великомученика и победоносца Георгия 4-го класса, Св. Анны 2-го класса, украшенный алмазами, а также Золотая Сабли с надписью «За храбрость».

После отставки с военной службы в 1820-30-е гг. какое-то время он мог проживать с семьёй в селце Савкино Новоржевского уезда (в 54 км к юго-западу от пос. Бежаницы и в 11 км к юго-востоку от пос. Кудеверь), где и умер в 1834 г. Усадьба Чеченских не сохранилась. На её месте ныне существует небольшая деревенька Савкино.

Э.А. Узенов, методист

Памятник А.Н. Чеченскому

Счастливым баловнем

23 июля 2012 года князю Петру Андреевичу Вяземскому исполнилось 220 лет. Если от этого числа отнять юбилейную дату Бородинского сражения, в котором он, Вяземский, принял участие, получится 20. Столько было на момент начала Отечественной войны юноше, чье литературное имя ученичеством и поэтической дружбой тесно связано с именами Карамзина, Батюшкова, Жуковского, Пушкина, Тютчева... Это Пушкин в 19 веке назвал его «счастливым баловнем», выдохнул: «Счастливым Вяземским, завидую тебе», а Владислав Ходасевич в 20-м, прикинувшись архаистом, подхватил: «Щастливый Вяземский»... А уже в наше время известный поэт и бард Александр Городницкий опять повторил: «Счастливым Вяземским». Иосиф Бродский числил его среди своих учителей и определял как «крупнейшее явление в пушкинской «Плеяде». Ему посвящали и посвящают диссертации, монографии, обширные предисловия к изданиям сочинений. Сейчас, в эпоху Интернета, с его произведениями легко познакомиться, не отходя от компьютера. А также и с новейшими суждениями о нём. Рекомендую для начала эссе Эмили Обуховой (<http://www/port-folio.org/2009/part78.html#top>) с нарочито-парадоксальным, вызывающим по отношению к вышесказанному и при этом весьма обоснованным названием - «Унылый Вяземский». Несмотря на допущенную ошибку (автор приписывает Окуджаве шпаликовские строчки: «Здесь когда-то Пушкин жил, / Пушкин с Вяземским дружил»), чтение это убеждает и наводит на серьёзные размышления не только о литературе. Прочтите, не пожалеете. И, может быть, вам даже захочется, как в старые времена, обратиться к библиотечной полке, чтобы самостоятельно выяснить, счастливым или унылым был не самый известный, но в этом уж точно не виноватый «поэт и камергер», князь Петр Андреевич Вяземский.

Материал подготовила И.Ю. Парчевская,
ведущий специалист службы музейной информации

* * *

Я написать о Вяземском хотел,
Как мрачно исподлобья он глядел,
Точнее, о его последнем цикле.
Он жить устал, он прозябать хотел.
Друзья уснули, он осиротел:
Те умерли вдали, а те погибли.

С утра надев свой клетчатый халат,
Сидел он в кресле, рифмы невпопад
Дразнить его под занавес являлись.
Он видел: смерть откладывает срок.
Вздыхал над ним злопамятливый бог,
И музы, приходя, его боялись.

Я написать о Вяземском хотел,
О том, как в старом кресле он сидел,
Без сил, задув свечу, на пару с нею.
Какие тени в складках залегли,
Каким поэтом мы пренебрегли,
Забыв его, но чувствую: мрачнее.

В стихах своих он сам к себе жесток,
Сочувствия не ищет, как листок,
Что корчится под снегом, леденя.
Я написать о Вяземском хотел,
Еще не начал, тут же охладел,
Не к Вяземскому, а к самой затее.

Он сам себе забвенью предсказал,
И кажется, что зла себе желал
И медленно сживал себя со свету
В такую тьму, где слова не прочесть.
И шепчет мне: оставим все как есть.
Оставим все как есть: как будто нету.

1970 Александр Кушнер

Петр Андреевич Вяземский.
Литография с оригинала неизвестного художника. 1820

К ПОРТРЕТУ ВЯЗЕМСКОГО

Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род с возвышенным
умом
И простодушие с язвительной улыбкой.

1820 Александр Пушкин

* * *

Сфинкс, не разгаданный до гроба, -
О нем и ныне спорят вновь:
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.

Дитя осмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил.

Сентябрь 1868 П.А. Вяземский

Новое в музейной научной библиотеке

В настоящее время всё большую роль в работе библиотек и музеев играют технические достижения и возможности электронных ресурсов. Доступнее и ближе становятся каталоги и фонды огромных библиотек России и зарубежья, музеи приглашают на свои виртуальные выставки посетителей из разных уголков страны и мира. Посещение электронных сайтов музеев и библиотек дает представление о том, как живут музеи и библиотеки, каковы направления их деятельности, какими фондами и коллекциями располагают, когда и где проходят интересные встречи, конференции, какая издательская продукция выпускается и многое другое.

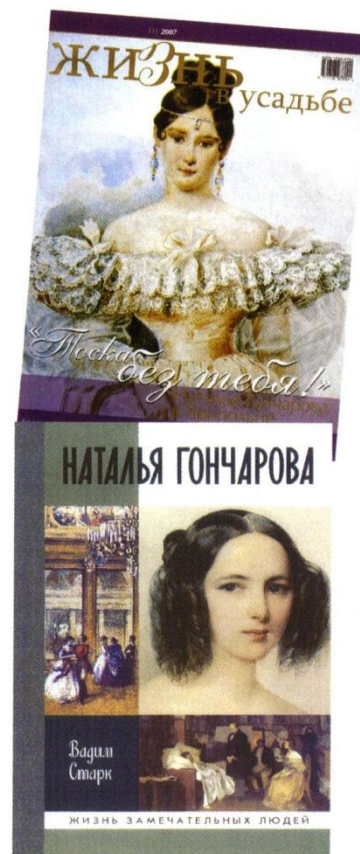
На сайте Пушкинского Заповедника недавно появилась отдельная страничка, посвящённая музейной библиотеке. Теперь, не выходя из дома, можно получить общую информацию о деятельности библиотеки, направлениях её комплектования, о проходящих в её стенах встречах с авторами, издателями и составителями книг, о литературных вечерах и поэтических программах. Для многих пользователей стало интересным и важным иметь возможность получить доступ к текстам отдельных интересных и редких изданий, размещённых на странице библиотеки. Это ранние путеводители по Пушкинскому уголку, книги по истории создания и становления Пушкинского Заповедника.

Всё чаще библиотека информирует о своих фондах - новых поступлениях, дарениях, о тематических выставках. Одним из первых виртуальных проектов была выставка «Книги в дар». Дарение - важная статья пополнения книжного фонда любой библиотеки. В музейную библиотеку передавались книги в дар с самых первых дней образования Пушкинского Заповедника. Многие из этих книг стали библиографической редкостью, и знакомство с ними реально благодаря электронным возможностям. Выставки «Книги в дар» будут периодически появляться на сайте музея так же, как и «Новые поступления».

Существует архив тех выставок, которые размещались на сайте ранее.

Различные тематические проекты дают возможность виртуально познакомиться пользователей с наиболее важными и интересными выставками, проводимыми в музейной научной библиотеке в течение года. Так, в ближайшее время появятся выставки, посвящённые 200-летию юбилеям Отечественной войны 1812 года и Натальи Николаевны Пушкиной.

Л.Н. Беляева,
начальник отдела музейной научной библиотеки

НАТАЛИЯ ЛАНСКАЯ

По пятницам – в день смерти
Пушкина – Наталья Николаевна
надевала траур
(из воспоминаний современников)

Прости, Наталия Ланская,
Уже за далью вековой...
Молва недобрая людская
Не заслонила образ твой.

Над переломанной судьбою
И над отчаяньем в глуши
К нам непогасшею звездой
Доходит свет твоей души.

Не генеральшею Ланскою
Тебя представил я сейчас –
Ведь ты над пушкинской
строкою
Не раз слезами облилась.

Его слова в тебе болели,
Его улыбка сердце жгла...
И каждый пятый день недели
Ты снова Пушкиной была.

Вячеслав Лукашевич

Н.П. Ульянов. Пушкин с женой перед зеркалом
на придворном балу. 1936

* * *

Мчатся тучи...
А. Пушкин

«Натали, Наталья, Ната...»
Что такое, господа?
Это, милые, чревато
Волей Божьего суда.

Для того ли русский гений
В поле голову сложил,
Чтобы сонм стихотворений
Той же
Надобе
служил.

Есть прямое указанье,
Чтоб ее нетленный свет
Защищал стихом и дланью
Божьей милостью поэт.

1950-60-е Владимир Соколов

Жена поэта

Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных...
А.С. Пушкин

Из двадцать первого столетия, как из космической выси, легко созерцать и оценивать чьи-то далекие чужие жизни, их причудливую связь во времени и пространстве. В этом году исполняется 200 лет со дня рождения Натальи Николаевны Гончаровой, в замужестве Пушкиной. Жизнь одарила жену поэта и величайшими радостями, доступными земной женщине, и величайшими страданиями. Ей не довелось дожить до преклонных лет, будто природа не пожелала допустить увядания одного из самых своих прекрасных и совершенных творений.

Из дневника деда, Афанасия Николаевича Гончарова:

«1812-го года 27-го августа в Тамбовской губернии в селе Кареевне родилась 5-я дочь Наталья в 3 часа утра. Крестили 8 сентября. Восприемники Загряжской и матушка КА. АН. (Катерина Андреевна Новосельцева.). Именины ее 26 августа».

Ей предстояло стать женой и музой Пушкина. После его трагической гибели Наталья Николаевна постоянно жила с мыслью, чтобы непременно вместе с детьми посетить могилу мужа в Святогорском монастыре.

При жизни поэта Наталье Николаевне ни разу не пришлось побывать в Михайловском. В 1832, 1833 и 1835 годах весной и в начале лета она рожала. Лето 1834 года Наталья Николаевна провела у брата на Полотняном заводе. Летом 1836 года сам Пушкин не мог уехать из города, так как он получил разрешение на издание «Современника» и был связан издательскими делами все лето. Целых три года шли переговоры с сонаследниками о введении вдовы поэта в права опекуна, и только в январе 1841 года Наталья Николаевна сообщает Дмитрию Николаевичу Гончарову, что «Псковское дело» окончено и что она с сестрой Александрой Николаевной и детьми намерена провести лето в Михайловском.

В письме к брату она сообщала: «... Дом совершенно обветшал; сад великолепен, окрестности бесподобны – это приятно».

Возможно, какой-то небольшой ремонт Наталья Николаевна всё же сделала, и для летнего жилья дом стал пригоден. Однако жизнь в Михайловском, где не было сносного усадебного хозяйства и все приходилось покупать на стороне, причиняло Наталье Николаевне постоянные беспокойства и хлопоты.

Все лето прожил у невестки отец поэта Сергей Львович. Наталья Николаевна задержалась в Михайловском до поздней осени: из-за отсутствия денег ей не на что было выехать. «Граф Строганов, узнав о нашем печальном положении, великодушно пришел мне на помощь и прислал необходимые деньги на дорогу», - писала она брату Дмитрию. Таким образом, семья Пушкиных прожила в Михайловском в 1841 году около полугода. 26 октября Наталья Николаевна с семьей вернулась в Петербург и поселилась «у Коношенного моста, дом Китнера».

Лето 1842 года Наталья Николаевна с семьей снова провела в Михайловском. Здесь жили опять Сергей Львович и брат поэта Лев Сергеевич. Летом 1842 года много неприятных переживаний доставили Наталье Николаевне власти Опочецкого уезда, пытавшиеся возбудить процесс против наследников Пушкина и отрезать 60 десятин из Михайловских земель, якобы подлежавших возврату.

Ради экономии Наталья Николаевна собиралась пробыть в деревне до середины октября, но смерть близкого человека, тётки Екатерины Ивановны Загряжской, ускорила ее отъезд.

Документы, воспоминания современников говорят о том, что Наталье Николаевне были вполне присущи и деловые качества; она нежно любила детей, трепетно относилась к своим близким, жила как христианка. Редкостной красотой своей не возгордилась, искренне считая ее не собственной заслугой, а даром Божьим. Вся ее жизнь – испытание. Она пережила мужа на 27 лет, долгих лет душевных страданий. А.И. Тургенев (ему выпало хоронить поэта) свидетельствует, что первые слова, с которыми смертельно раненный Пушкин обратился к жене, были: «Будь спокойна, ты невинна в этом». Сестра поэта О.С. Павличева 3 марта 1837 года писала отцу: «Когда его внесли в дом, он сказал Наталье Николаевне, что она в этом деле ни при чем. Конечно, это было больше, чем великодушие, это было величие души».

П.А. Вяземский, друг поэта и очевидец последних часов его жизни, отмечал: «Его чувства к жене отличались нежностью поистине самого возвышенного характера...».

«Я была бы в отчаянии, если бы кто-нибудь мог считать себя несчастным из-за меня», - однажды призналась Наталья Николаевна. Стоит прислушаться к этим её словам.

Н.В. Васильева,
научный сотрудник музея-усадьбы «Михайловское»

Тригорское – «как много в этом звуке...»

Усадьба Тригорского расположена в предместье древнего псковского пригорода Воронич. История Воронича, впитавшая в себя периоды мирного созидания, расцвета ремесел, земледелия, торговли, ратных подвигов по защите русских рубежей, таинство явления Богородицы – оказала большое влияние на А.С. Пушкина, развитие и преобразование его поэтического гения.

В 18 веке окрестные земли принадлежали «дворцовой волости в Псковском уезде», и часто этими землями награждались служилые дворяне за заслуги перед отечеством и престолом. Указ Екатерины Великой от 1762 года июля в 29 день о жаловании земель Максиму Дмитриевичу Вындомскому гласит: «Мы всемилостивейше приняв в уважение долголетние и верные Нам и отечеству ваши службы, пожаловали вас вечною отставкой от всей военной и гражданской Нашей службы с награждением вам чина генерал-майорского, и сверх того наградили вас в вечно и потомственное наследное владение из нашей дворцовой волости в Псковском уезде деревнями, прозываемыми Егорьевская губа, в которой по последней ревизии состоит 1085 душ...».

В 1767 году в селе Егорьевском (Тригорском) живут дворовые люди М.Д. Вындомского. В 1773 году владельцем села становится «помещик господин прапорщик Семеновского полку» Александр Максимович Вындомский. В 1780 г., уволенный в статскую службу с пожалованием чина армии полковника, он начинает обустройство усадьбы, но «живет в большом свете». Постоянно живет в Тригорском с 1792 года, после смерти жены, Марии Аристарховны (в девичестве Кашкиной). В том году священник Георгиевской церкви делает запись, что на исповеди были: «Села Тригорского полковник Александр Максимов Вындомский – 43 года, вдов, дети его: Елизавета – 14 лет, Параскева – 13 лет, Григорий – 7 лет» Григорий умирает в 1795 году. В 1798 году в Тригорском остаются только А.М. Вындомский и его младшая дочь (старшая в 1796 году без благословения отца выходит замуж за Якова Исааковича Ганибалы).

В Тригорском возводится господский дом, разбивается английский парк. До настоящего времени сохранились такие парковые элементы, как зеленая беседка у Баньки, «Зеленый зал», «Солнечные часы», фруктовый сад, отделявший «господскую» часть усадьбы от деревенской, «крестьянской». С именем Пушкина связаны «Скамья Онегина», «Аллея Татьяны», «Дуб уединенный». А.М. Вындомский вел хозяйственные дела – на усадьбе появляется полотняная фабрика, вблизи усадьбы (в районе современной деревни Глазки) находился винокурный завод. В 1803 году число дворовых людей Тригорского составило 137 душ, а всего Вындомские владеют 1426 душами крепостных крестьян. А.М. Вындомский умирает в 1813 году: «Села Тригорского полковник Александр Максимов 28 января натуральною болезнью с покаянием – 63 лет». Хозяйкой имения становится его дочь Прасковья. В этом же году умирает ее муж Николай Иванович Вульф. С 1813 года «вдова коллежская ассессорша Параскева Вульфова и ее дети: Анна, Алексей, Михаил, Евпраксия, Аверкий» живут в Тригорском. В 1817 году Прасковья Александровна выходит замуж за Ивана Сафоновича Осипова. В этом браке рождаются дочери Мария и Екатерина, в семью приходит падчерица Александра Ивановна Осипова. Вторично Прасковья Александровна овдовела в 1824 году.

После смерти А.М. Вындомского происходят изменения в хозяйственном укладе усадьбы. К 1816 году полотняная фабрика уже закрыта. В здание, где она располагалась, Прасковья Александровна со своим большим семейством переезжает из старого господского дома. Точно определить время переезда и время случайного пожара, уничтожившего старый дом, пока не представляется возможным.

Обитатели Тригорского были прихожанами и ктиторами церкви Великомученика Георгия Победоносца. Храм был освящен в 1763 году.

А.М. Вындомский осуществлял сбор средств на ремонт, П.А. Осипова в 1840 году пожертвовала Георгиевской церкви землю «из своих дач». В годовщину смерти Байрона Анна Николаевна Вульф по просьбе Пушкина заказала в Георгиевской церкви обедню за упокой его души, о чем Пушкин сообщал в письме к брату от 7 апреля 1825 года. В 1831 году здесь венчались Евпраксия Николаевна Вульф и Борис Александрович Вревский, в 1833 – Александра Ивановна Осипова и Петр Николаевич Беклешов: «Пятого числа майор Петр Николаев Беклешев, служащий в городе Пскове полицеймейстером, 37 лет, холост, венчан с девицею Опочецкого уезда села Тригорского, приемной дочерью стацкой советницы Прасковьи Александровны Осиповой Александрой Ивановной Осиповой, 25 лет, первым браком». У алтаря храма погребены А.М. Вындомский, его дочь Прасковья, И.С. Осипов, Алексей Николаевич Вульф. Церковь была разрушена после 1925 года. По проекту, подготовленному Псковским институтом «Спецпроектреставрация», Благотворительный фонд «Общество друзей Пушкиногорья» в 2004 – 2008 г. осуществил воссоздание церкви и передал постройку Пушкинскому Заповеднику. С 2010 года по договоренности с Псковской епархией Русской Православной Церкви в ней отправляются церковные службы и требы.

Впервые Пушкин посещает соседнее имение в июле – августе 1817 года.

Тогда же завязываются тесные дружеские связи с его обитателями. Поэт

посвящает Тригорскому и записывает в альбом П.А. Осиповой 17 августа 1817 года первое созданное в этих местах стихотворение – «Простите верные дубравы...». В июле 1819 он также часто встречается со своими тригорскими друзьями, а в годы ссылки (1824–1826), по сути, он становится членом большой тригорской семьи. Тригорские друзья поэта вошли в анналы истории благодаря посвященным им пушкинским стихам, а тригорский дом, благодаря роману «Евгений Онегин», стал «Домом Лариных».

Особо следует упомянуть труд поэта над «Борисом Годуновым». Окрестности Тригорского еще хранили следы событий минувших веков, и неслучайно на титульном листе рукописи драмы начертано: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о Царе Борисе и Гришке Отрепьеве – летопись о многих мятежах и пр. писана быть Алексашко Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче».

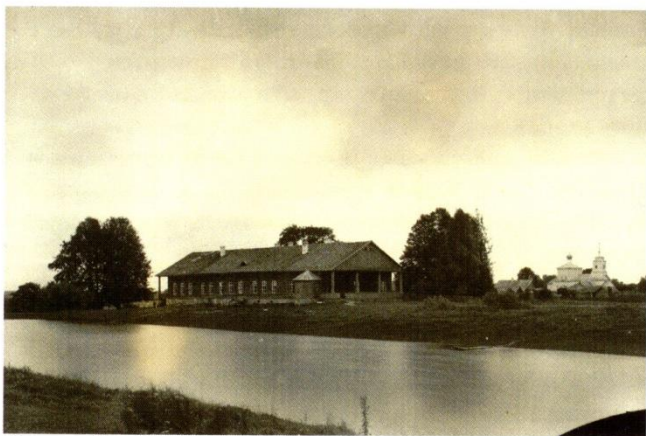
После встречи с императором в Москве и освобождения из ссылки поэт в ноябре ненадолго возвращается в «покинутую тюрьму», встречается с дорогими соседями, обеспокоенными его внезапным отъездом, рассказывает им о переменах в своей судьбе. После ссылки в письмах поэта возникает устойчивый мотив благодарных воспоминаний о Тригорском, желание вернуться в «милый предел», «назло судьбе» собраться «под рябинами Сороти». Искренни и теплы его письма, адресованные в Тригорское. Здесь, в свою очередь, готовы оказать поэту возможную помощь в его житейских делах и затруднениях. Накануне роковой дуэли единственным человеком, кому поэт смог довериться, была тригорская «дева гор» Зизи, баронесса Евпраксия Николаевна Вревская. 6 февраля 1837 года, на погребении поэта в Святогорском монастыре, единственными близкими людьми, помимо А.И. Тургенева, были тригорские барышни Маша и Катя Осиповы.

После ухода Пушкина наступает новый этап в жизни Тригорского: оно становится, по сути, первым, пусть домашним, пушкинским музеем в России, местом паломничества друзей, почитателей, исследователей творчества поэта. Михайловское и Тригорское посещают П.А. Вяземский (1840), М.И. Семевский (1866), Л.Н. Майков (1896), Б.Л. Модзалевский (1899). Последней его владелицей оказалась дочь Евпраксии, баронесса Софья Борисовна Вревская, ставшая свидетельницей «бунта бессмысленного и беспощадного», приведшего к сожжению и разорению усадьбы в феврале 1918 года.

Характерно, что при образовании Пушкинского Заповедника в 1922 году Тригорское вошло в его состав вместе с Михайловским и могилой поэта в Святогорском монастыре. Долгие годы о существовании усадьбы напоминали только парк и мемориальные ландшафты. Большой урон парку был нанесен фашистами в годы Великой Отечественной войны. Дальнейшая судьба Тригорского неразрывно связана с музейным гением Семена Степановича Гейченко. Стараниями его и его соратников работа по созданию полноценного пушкинского мемориального литературного музея увенчалась открытием в 1962 году Дома-музея. В канун 200-летнего юбилея А.С. Пушкина прошли работы по оздоровлению и реконструкции парка, ремонту дома, реставрации экспонатов и обновлению музейной экспозиции. В основе своей она сохранила принципы и сюжетный ход, заложенные ещё С.С. Гейченко, чей опыт остается для нас во многом определяющим.

21 августа музей в Тригорском отмечает полувековой юбилей. Он один из любимых и посещаемых музеев Пушкинского Заповедника, читай – России. В этом заслуга многих поколений, хранителей музея в разные годы. С праздником, Тригорское!

К.П. Бурченков, хранитель музея-усадьбы «Тригорское»

Тригорское. Фото Ю.М. Шокальского. Начало XX в. Из фотонегатива Пушкинского заповедника

Тригорскому Дому-музею 50!

Nous admirons votre musée!
(Мы восхищаемся вашим музеем!)

Латвия, Рига, Пушкинский Лицей.

06.10.07

Тригорское. Фото Е. Ступиной. Начало XXI в. (2007 г.)

экскурсантами и туристами со всех концов нашей Родины и из зарубежных стран. Сотрудники Пушкинского Заповедника во главе с директором С.С. Гейченко ведут большую научно-исследовательскую работу по восстановлению памятных мест, связанных с именем нашего великого поэта. В данное время, по горячему желанию широкой общественности, восстанавливается любимая поэтом усадьба его близких друзей Осиповых в Тригорском...».

И наступил день открытия.

21 августа 1962 года в Книгу отзывов вписаны первые признания свидетелей:

«Я репетирую Чацкого. Если бы удалось воссоздать на сцене то чувство, которое возникает здесь, в этих стенах, все бы получилось. Спасибо хранителям прекрасного. Спасибо Пушкину».

С. Юрский, артист Ленинградского Большого Драматического театра им. Горького. 21/VIII-62 г.».

«...не уверена, - пишет современный театральный критик Елена Горфункель, - что в 1962 году Георгий Александрович Товстоногов точно знал, каким должен быть его Чацкий – Сергей Юрский возник внезапно, он даже не был запланирован на эту роль. Но он стоял первым в очереди на нового героя, и когда эта очередь подошла, то явился во всеоружии. Нет, не эlegantным Грибоедовым в тонких очках, не чудачком Кюхельбекером, не блестящим Пушкиным – он явился студентом, самым нужным человеком 60-х годов. Умным и образованным, нетерпимым и непредсказуемым, талантливым человеком и действующим лицом. Разумеется, влюбленным». И хочется продолжить: влюбленным в... Тригорское. С тех самых пор.

А чуть ниже, на той же странице, неизвестный работник культуры (подпись неразборчива) отмечает разумеющийся факт: «Сегодня, в день открытия дома Осиповых и Вульфо, в было многолюдно. Я от души рад и тронут экспозицией дома-музея. Словно назад вернулось время – «цветы, любовь, деревня, праздность», романсы, огонь мерцающих свечей, а за окном старинный парк с любимыми затеями наших предков» (21/VIII-62 г.).

Дальше – отпускаем на волю воображение и вместе с Еленой Резцовой из Ленинграда молодеем на 50 лет, бредем по высоким и холмистым берегам заповедной реки:

С. Юрский в роли Чацкого.
Фото с сайта Александринского театра

Парк с холма опрокинулся в Сорочь.
Липы, сосны – и ввысь, и вниз.
Темных крон сквозные узоры
Можно трогать – лишь потянись.

Чуть покачивается лодка,
Капли скатываются с весла.
Я его опускаю робко:
Не встревожить бы эту гладь.

Вышла девушка из аллеи;
Разгляжу ли я? – холм высок.
Платье сборчатое белеет,
Выше талии поясок.

Вижу, вижу: она печальна.
Вижу книгу в ее руке.
Может к берегу мне причалить?
Призрак милый, сойди к реке!

Легкий ветер летит навстречу, –
Ты растаяла, ты ушла.
С берегов надвигается вечер,
Капли скатываются с весла.

Лето 1962

Союз поэта и музы, оказавшейся, как у Пушкина, «барышней уездной, с печальной думою в очах, с французской книжкой в руках». Союз музея и природы, «заповедность», заставляющая нас волноваться и радоваться. Союз поэта, рожденного позже, и музея Поэта, наконец. Все это вечные спутники поэтического сознания, не отвергающие музейную реальность, а стремящиеся к ней за вдохновением.

Но вот находим в нашей летописи мужскую жизненную прозу. Некий подполковник запаса Лазарев 14 июня 1963 года выражает такое пожелание: ему «хотелось бы, чтобы ни где не отступали от правдивого отображения действительности»:

1. Зачем эти огнетушители?! (тем более висящие на виду). Как увидишь их, кажется, что сейчас попадешь на склад, а не в дом помещика.

2. Хотелось бы, чтобы быт этого дома был образцом помещичьего быта. У нас в музеях страны достаточно мебельной обстановки того периода. Неоправданно бедна обстановка этого помещичьего дома; очевидно единственного дома в СССР».

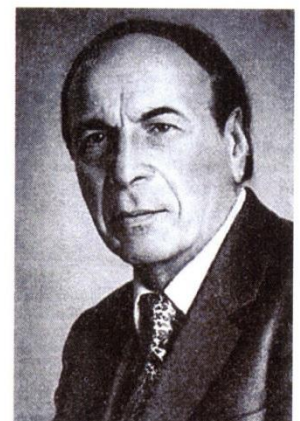
На следующий день следует как будто ответ:

«Согласна с замечаниями предъядущего товарища. А вообще – очаровательно! Кажется, что сейчас откроется дверь и влетит легкая веселая Зизи», – не удерживается от благодушных эмоций учительница из деревни Пустошка Псковской области, возвращая Книге отзывов поэтическую тональность. И как же не вспомнить пушкинские строки из романа «Евгений Онегин» о той, которая жила в Тригорском:

Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

Да, жизнь действительно может показаться складом огнетушителей, лопат и топоров, если нет на планете Земля поэзии, подлинных ритмов природы, задающих нам добрые, звучные житейские рифмы.

Поэт Леонид Вышеславский 23 августа 62-го в доказательство всемогущей созидательной силы Эвтерпы – музы лирической поэзии и музыки – приводит веский аргумент: «Космонавты поднимаются в космос со стихами и песнями в сердце, потому что без света ума, искусства, поэзии нет и не может быть полноценного человека». Ему вторит следующий посетитель: «Здесь, в этих местах, в душе человека пробуждается все самое светлое и высокое, на что способен человек и без чего нельзя построить коммунизм. Незабываемые дни, проведенные здесь...» (23 августа 1962 г. Киев. Подпись неразборчива).

Л. Вышеславский
Фото с сайта «Русские поэты Украины»

Что же – теперь? О чем говорят новые поклонники музея спустя десятилетия? Открываем очередную Книгу отзывов, читаем:

«Тригорское – это большая творческая удача, – пишет депутат Государственной думы III-го созыва, 30 декабря 2000 года (подпись неразборчива). – В канун нового тысячелетия был счастлив соприкоснуться с вечным, жизнеутверждающим образом великого поэта».

Или: «Выражаем сердечную благодарность всем сотрудникам Пушкинского Заповедника за образцовое содержание усадьбы «Тригорское»! Спасибо за сохранность, за интересную беседу, за память о Пушкине на Псковской земле, за память о большущей семье Вульфов и Осиповых и о том времени – далеко, но незабытом...»

Руководитель 9-ой традиционной встречи поэтов
Северо-Запада России В. Шульц. 19.05.2007, г. Псков».

Д. Белокин. Пушкин в гостях у семейства Осиповых-Вульф в Тригорском. 1989

Дом-музей по-прежнему не остается без внимания. Поэты, режиссеры, актеры, студенты, школьники, директора, научные сотрудники... признаются в любви известному сочинителю в созданном им «Доме Лариных» в Тригорском». И так же присутствует проза, и бьет романтическим ключом поэзия из родника души. Разве что изменился формат; на смену перекрестным рифмам пришел свободный стих:

Великий Пушкин!
Ты не просто гений,
Ты царь поэзии.
Чисты, как новый снег, все помыслы
твои.
Сравнится кто ль с тобой,
не знаю.

.....
Елена. 16.09.2001 (Московская обл., ... Панькова Е.А.)

А можно встретить стихи, написанные не только с оттенком философской грусти в духе есенинской тоски («на московских изогнутых улицах/умереть, знать, судил мне бог»), но и с пушкинской реминисценцией («бродить Тригорского кругом»):

Взамен московских улиц пыльных
Увидеть псковские места,
Где жизнь спокойна и проста,
Где полно все старинной былью.
И на земле так мало мест,
Куда хотелось бы вернуться,
К старинной жизни прикоснуться,
Бродя Тригорского окрест.

2 мая 2003 (подпись неразборчива)

Стихотворные послания встречаются почти через каждую страницу, хоть сборник выпускной. С пожеланиями вернуться, со словами о том, как хотелось бы взять да остаться здесь жить навсегда!

Ну, а если – были, уехали, то часто и возвращаются.

«Я здесь второй раз. Первый раз была в этих краях 25 лет назад. Хочу отметить огромный труд, вложенный в развитие музея-заповедника его сотрудниками».

Ухоженность – вот что сразу обращает на себя внимание. Большое количество цветов, скамьи, ограды, урны (!) (об урнах упомянула, поскольку в Питере ведь с ними проблема). Все здесь веет рачительной заботой о местах, связанных с памятью о Пушкине.

Огромное сердечное спасибо всем работникам музея».

P.S. Герани Тригорского просто прелесть! Можно организовать продажу отростков. 2004 год (подпись неразборчива)».

«Я была здесь 30 лет назад в 14 лет, а теперь мне 44 года. Очень поражена переменами... в лучшую сторону. Ухоженный сад; с любовью сохранен каждый уголок, как усадьбы, так и самого дома. Такое впечатление, что душа А.С. Пушкина живет здесь и поныне, сочиняя продолжение романа, вдохновленная музами Тригорского. Спасибо всем сотрудникам за их благородный труд».

Голяйнова Надежда Султанбековна. Лен. обл. г. Всеволожск»

«Предыдущий раз я был в Тригорском 6 июня 1999 года, в день 200-летия А.С. Пушкина. Сейчас, 7 ноября 2001 года, приехал с сыновьями-школьниками. И всегда – чувство праздника. Спасибо, дорогие сотрудники музея, за это чувство. Надеемся приехать еще не раз».

Н. Грущенок, Фадей, Илья. 07.11.2001г.».

«Благодарим хранителей и служителей музея. Была 20 лет назад с дочерью, теперь привезла внучку-школьницу 13 лет».

Москва. Научный сотрудник Краснобаева Зоя Никифоровна».

Как видим, возвращаются не одни. «Племя младое» «растет, волнуется, кипит». К тому же без Тригорского не понять роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин», эту «энциклопедию русской жизни», объединившую франтоватый город и самобытную деревню, помещика и крестьянина, «лед и пламень» человеческих сердец. Это наша история, «привычки милой старины», опыт наблюдений и бесценный виртуальный мир мудрого прошлого. «Если бы везде в России так бережно хранили все то, что нам досталось от предков, то мы были бы в сотни раз богаче. Группа из Твери 06.10.2001». Тригорское – это одна из лучших реальных школ для понимания источников духовного богатства провинциальной России.

«Перед отъездом решили еще раз зайти в милый «Дом Лариных»... Благодарим сердечно всех, кто с огромной любовью к Пушкину сохраняет для истории, для потомков этот чудный уголок старины, как будто сошедший со страниц «Евгения Онегина». Дом, уставленный домашними цветами, хранит дух любви, заботы и тепла. Уезжая отсюда, мы увозим частичку этого тепла в Москву. 14.08.04 Семья Побединских».

И, наконец, один из обжигающих сознание отзывов, наводящий на глубокие размышления о смысле жизни:

«Мы – люди далеко не молодье и для нас знакомство с музеем – глоток воздуха, а может быть, и год жизни. Низкий поклон вам за ваш труд».

Ветераны Великой Отечественной войны
И. Тимофеев, Е. Голубева, В.Е. Швецова. 2007г.».

На то и «Заповедники» нужны вообще – нам, мирным людям, чтобы восстанавливать и укреплять общее национальное здоровье. Именем Пушкина ли, кислородом современных парков ли, главное – хорошее самочувствие, светлые мысли и вера в лучшее. Ведь не «напрасно / Была нам молодость дана».

А Дому-музею Тригорского – 50!

И, слава Богу – он был, есть и будет.

С.П. Пинчук, научный сотрудник музея-усадьбы «Тригорское»

Сороть. Фото Сесиль Жандр. 2012

ТРИГОРСКИЙ ДОМ

Е. Ивановой

Подводным холодом стекла
Покрыты рамы длинных окон,
И вот зима подстерегла
Сей деревянный долгий кокон.

Ты погибаешь, зимний дом!
Уже не вылупиться к лету
Той бабочке, что над прудом
Садилась в легкую карету,

Той барышне, что берегла
В своих альбомах почерк легкий, -
Подводным холодом стекла
Покрыт сей дом, такой далекий.

И только помнится едва
Ее поэт, гусар, любовник,
И только ласточки-слова
Еще летят в ее альбомах.

1962 Яков Гордин

* * *

Погружаешься в парк, как в роман,
где ветвятся живые сюжеты.
Но английский расчисленный план
обрубается около Леты

или Сороти... Там, за рекой,
что тебя и звала, и пугала,
не разрублен на главы покой,
а пространство не ищет финала.

Две реальности вновь наравне,
и тебе непосильна разгадка,
чья возьмёт, и какой стороне
ты отдашь эту ночь без остатка.

2007 Владимир Рецептер

ДЕПРЕССИЯ-РОССИЯ

Е.Р.

Вся Россия, от среднего пояса
с бездорожьем туды и сюды
и до Арктики, аж до полюса,
где подтаивать начали льды,

финский дождик, без устали сеющий,
жаркий луч на таврическом льве
уместились в седой и лысеющей
черноглазой твоей голове.

Эту хворь тебе наулюлюкали
Блок да Хлебников, с них и ответ.
В ней московский, с истерикой,
с глюками,
в январе эйфорический бред

и унынье в июне, депрессия,
в стенку взгляд в петербургской
норе,
и чудесный момент равновесия
на тригорском холме в сентябре.

2006 Лев Лосев

«ВООБРАЖАТЬ Я ВЕЧНО БУДУ...»

...Вдали, один, среди людей
Вообразить я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон тригорских нив...

А.С. Пушкин. Отрывки из «Путешествия Онегина» (черновой вариант)

Полвека тому назад возродился в новом, музейном качестве некогда дружески распахнутый и такой гостеприимный для Пушкина Дом Осиповых и Вульффов в Тригорском. 21 августа 1962 года состоялось его торжественное открытие. Трудно представить, но четыре с лишком десятилетия были:

И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в рощах скрывшие дороги, -

но не было Дома, и, значит, многочисленным паломникам оставалось только *вообразить* след за Автором:

И дом, где пировали мы...

Без этой важнейшей четвёртой составляющей образ, поименованный как «Приют, сияньем муз одетый», оставался неполон. Дом необходимо нужен был, чтобы поселить туда прототипов и одновременно героев пушкинского романа в стихах. Чтобы Татьяна, *стоя у окна*, могла выводить «прелестным пальчиком»

На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е.

Чтобы ей было *откуда*, из каких сеней и с какого крыльца, лететь прочь от Онегина, задыхаясь, падать на скамью, почти с тех самых пор носящую его имя и ставшую любимым мотивом не одного поколения художников...

27 июля в Классной комнате Тригорского открылась выставка, посвящённая 50-летию Дома-музея Осиповых и Вульффов. Она состоит из живописных работ, а также авторских и безымянных произведений декоративно – прикладного искусства, посвящённых теме Тригорского. С целью подчеркнуть музейную принадлежность этих предметов мы в этикетках и каталоге предлагаем информацию о времени и способе их поступления в фонды Пушкинского Заповедника. Важно отметить, что работы И.М. Биленкого (1949), Б.Г. Биргера (1956) и П.Т. Фомина (1962) долгое время находились в основной экспозиции Дома-музея, причем две последние для неё и создавались. В витринах представлены примеры книжных изданий «Евгения Онегина», начиная с 1899 и заканчивая 2011 годом, позволяющие увидеть особенности полиграфии и разнообразие графических иллюстраций к роману. Всех авторов, больших и малых, знаменитых и малоизвестных, академиков и студентов, несомненно, влечёт любовь к Пушкину, к Тригорскому – и ведёт *воображенье*. То самое, без хотя бы щепотки которого невозможно создание выразительного художественного образа. В этом видится и пушкинский урок, и продолжение особой тригорской традиции, где тесно взаимодействуют реальный и поэтический планы, и бесконечная даль творческой перспективы.

Ирина Парчевская,
Дарья Плотникова

Б.Г. Биргер. Пушкин в Тригорском. 1956

ИЛЛЮСТРАЦИИ В.В. ГЕЛЬМЕРСЕНА
К РОМАНУ А.С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

К 75-летию смерти художника

Василий Васильевич Гельмерсен, автор впервые экспонируемых иллюстраций к «Евгению Онегину», родился в Петербурге 23 августа 1873 года. Он представитель старинного дворянского рода прибалтийского происхождения. Его предок Пауль Гельмерсен в начале XVII века выехал из Брауншвейга в Лифляндию, поселившись в Риге.

В.В. Гельмерсен закончил гимназию при лютеранской церкви Св. Анны и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1899 году он определился в канцелярию министерства двора, где служил помощником бухгалтера, а затем бухгалтером в отделе контроля. В 1908 году он уже контролер, надворный советник и камер-юнкер двора. Интересно, что человек, именем которого стали называть то искусство, к которому с детства, не выпуская ножниц из рук, пристрастился Гельмерсен, — маркиз Этьен де Силуэтт, — также служил контролером, правда, генеральным, при дворе герцога Филиппа Орлеанского.

Скучная служба сменилась для Гельмерсена интересной в 1914 году, когда он был назначен старшим помощником заведующего Собственной библиотекой Его Величества, то есть Эрмитажной. К этому времени Гельмерсен был уже известен в художественных кругах столицы — его силуэты экспонировались на выставках Академии художеств, «Мира искусства». Гельмерсен иллюстрировал «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Мертвые души» Гоголя, «Героя нашего времени» Лермонтова, но особое место в его творчестве занимали произведения Пушкина, и, прежде всего, «Евгений Онегин». В жанре силуэта Гельмерсен выполнял и экслибрисы, которые также экспонировались на отечественных выставках, например на выставке «Художественный экслибрис. 1917–1927», прошедшей в 1928 году в залах Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. В том же году его работы попали и на Международную выставку экслибриса в Лос-Анджелес.

У истоков русского силуэтного искусства стоял граф Федор Петрович Толстой, которого Пушкин мечтал увидеть иллюстратором «Евгения Онегина», но этого не произошло. Пройдет сто лет, и, наконец, появится иллюстратор пушкинского романа, который, как представляется, вполне бы удовлетворил его автора. Но сам Гельмерсен при жизни увидел напечатанной только одну им исполненную иллюстрацию — «Ленский представляет Лариным Онегина», — опубликованную в третьем томе бродягусовского собрания сочинений Пушкина в 1909 году. Шестифигурная композиция включает в себя изображения стоящих слева направо Онегина, Ленского, Прасковьи Лариной, Ольги, няни Филипповны и Татьяны. Все они легко узнаваемы, потому что именно такими их представил Пушкин. Их словесные портреты тактично, со вкусом и любовью переведены художником в зрительный ряд. Гельмерсен как будто следует за Пушкиным буквально, не привнося в силуэты ничего от себя, кроме своего искусства, которым нельзя не восхищаться. Выделявшаяся на фоне слабых, а порою и просто пошлых иллюстраций других авторов, помещенных в бродягусовском издании «Евгения Онегина», работа Гельмерсена стала настоящим его украшением и не могла не привлечь к себе внимания самых искушенных ценителей пушкинского творчества.

Первым, кто обратил пристальное внимание на онегинские силуэты Гельмерсена, стал выдающийся пушкинист Николай Осипович Лернер. Он участвовал в комментировании бродягусовского Пушкина и, скорее всего, именно он и предложил редактору С.А. Венгерову включить в издание иллюстрацию Гельмерсена. Вскоре у Лернера родилась идея отдельного издания пушкинского романа с иллюстрациями Гельмерсена. Художник передал уже существовавшие работы Лернеру и даже по просьбе ученого исполнил ряд новых. Изданию помешала грянувшая война, а затем и революция. Так что для современников Гельмерсен остался автором только одной чудесной иллюстрации к «Онегину».

1917 год Гельмерсен встретил все так же камер-юнкером и старшим помощником заведующего собственной библиотекой Николая II, но уже в чине коллежского советника, равного полковнику по петровской «Табели о рангах». Этого было вполне достаточно, чтобы предположить исход жизни Гельмерсена, не пожелавшего эмигрировать.

В Эрмитажной библиотеке Гельмерсен проработал до 1921 года, когда вынужден был стать сотрудником сметно-финансового подотдела Петроградского губземуправления, вернувшись, таким образом, к бухгалтерским занятиям. Ему повезло — Академия художеств отметила его заслуги художника, и в 1923 году он был назначен научным сотрудником Русского музея. Еще в 1920 году Э. Голлербах, для которого Гельмерсен выполнил экслибрис, обратил внимание на его иллюстрации к «Онегину», напечатав о них очерк в газете «Жизнь искусства» под рубрикой «По мастерским художников» (мастерской Гельмерсена была его квартира под № 24 на Моховой улице, дом 39). В Русском музее Гельмерсен прослужил недолго — уже в 1925 году его пригласили на должность помощника управляющего делами Академии наук. На этот раз пригодилось его великолепное владение шестью европейскими языками. В обязанности Гельмерсена входила переписка с границей и общение с иностранными учеными, гостями Академии наук. Н.О. Лернер все еще не терял надежды на издание «Евгения Онегина» с иллюстрациями Гельмерсена, однако на этот раз подготовку издания прервали репрессии в отношении Академии наук, коснувшиеся в полной мере и художника.

Летом 1929 года при проверке Академией так называемой «комиссией Фигнатора» Гельмерсен был «вычищен» из нее по первой категории, то есть без права на поступление в любое государственное учреждение и даже на получение паспорта. А через полгода, 12 января 1930 года, он был арестован по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Приговор Гельмерсену вынесли 10 мая 1931 года — он был осужден на десять лет лагерей. Срок отбывал на Соловках и в Медвежьей Горе (Белбалтлаг). Сохранились воспоминания о встречах с Гельмерсеном в Медвежьей Горе, в том числе художника В.А. Свистальского, которого он приобщил к искусству силуэта. Свистальский в лагере исполнил силуэтный портрет своего учителя. Это единственное известное нам изображение Гельмерсена. С ножницами в руках и листом бумаги, с очками, поднятыми на лоб, — таким, за любимым делом, он оказался запечатленным для потомства.

В лагерях художник читал своим собратям по судьбе отрывки из «Евгения Онегина», которого знал наизусть, и раздаривал им силуэты к пушкинскому роману, которые постоянно вырезал. Актер Вацлав Янович Дворжецкий, встретившийся с Гельмерсеном в Медвежьей Горе в 1933 году, вспоминая о круге заключенных — философах, литераторах, художниках, сотрудниках лагерной газеты «Перековка», пишет: «Особенно запомнился художник Гельмерсен Василий Васильевич — бывший библиотекарь царя, маленький, худенький старичок лет 90, всегда улыбающийся, приветливый, остроумный, энергичный. Он когда-то был почетным членом разных заграничных академий, магистр, доктор-филолог, свободно владел многими иностранными языками, потрясюще знал историю всех времен и народов, мог часами наизусть цитировать главы из Библии, декламировал Державина, Пушкина, Блока...».

Молодому тогда актеру 66-летний Гельмерсен запомнился 90-летним стариком. Не был Гельмерсен ни «доктором-филологом», ни даже «магистром» и не состоял членом заграничных академий. Но обаяние его личности, обширность его познаний сделали свое дело — мемуарист сам производит его в доктора наук и почетные члены иностранных академий. Но главное, что Дворжецкому врезалось в память, — это то, как Гельмерсен «вырезал ножницами из черной бумаги стилизованные силуэты из «Евгения Онегина»: Татьяна, Ольга, Ленский... С закрытыми глазами!»

Какие-то из силуэтов Гельмерсена, расходившиеся по рукам, впоследствии, выйдя за пределы лагерей, дошли до нашего времени. Однако основной корпус иллюстраций сохранил Н.О. Лернер, вдова которого в 1934 году, сразу же после смерти мужа, передала директору Государственного Литературного музея В.Д. Бонч-Бруевичу сто два силуэта Гельмерсена к «Евгению Онегину». В 1937 году часть их экспонировалась на Всесоюзной Пушкинской выставке, приуроченной к 100-летию со дня смерти поэта. В очередной раз они обратили на себя внимание общественности. В силуэтах Гельмерсена пленяло прежде всего то, как бережно относится художник к тексту Пушкина, насколько адекватно ему удается передать пушкинские образы. Знаменитый исследователь рисунков Пушкина А. Эфрос, посетивший выставку 1937 года, вскоре написал статью «Силуэты В. Гельмерсена», которая тогда не смогла увидеть свет.

В это время автор иллюстраций, по-прежнему содержащийся в лагере, был вторично осужден и приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 20 ноября 1937 года. Реабилитировали Гельмерсена только 29 апреля 1989 года.

Однако в 1940 году Гослитмузеем была предпринята еще одна попытка издать «Евгения Онегина» с иллюстрациями Гельмерсена. Известный искусствовед А. Сидоров написал для готовившегося издания специальной статью. Дело дошло даже до верстки, которая была подписана в печать 5 июня 1941 года. Начавшаяся война не позволила продолжить подготовку книги. После войны работа над изданием продолжена не была.

В 1948 году иллюстрации Гельмерсена к роману Пушкина были описаны в «Каталогах» Государственного литературного музея. Эти иллюстрации входят в общий список иллюстраций к «Онегину», тогда принадлежавших музею, с указанием номеров, размеров и строф, к которым они относятся. Однако в каталоге числится не 102 иллюстрации, поступившие от Н.О. Лернера, а только 92 (с № 87 по № 178). При этом ряд иллюстраций, указанных в каталоге, в настоящее время в фондах музея отсутствует. Кроме того, в каталоге есть явно неправильные атрибуции силуэтов.

Интересно отметить и тот факт, что в верстке готовившегося издания 1940 года есть иллюстрации, отсутствующие в этом каталоге. Их как раз около десяти. Скорее всего, это и есть те недостающие силуэты, которые были переданы в музей вдовой Лернера, но не попали в каталог — вероятно, они были извлечены из коллекции для подготовки к печати «Евгения Онегина» и были возвращены в ее состав, когда подготовка книги была внезапно сорвана начавшейся войной.

«Евгений Онегин» с иллюстрациями Гельмерсена, принадлежащими Гослитмузею, был выпущен в 1993 году издательством «Московский рабочий». К сожалению, в это издание оказались включены не все силуэты, а те, которые вошли, отпечатаны на плохой бумаге, оторваны от текста и частично с ошибочными атрибуциями. Только теперь, спустя столетие после первой публикации одной иллюстрации В. В. Гельмерсена к «Евгению Онегину», читатели имеют возможность по достоинству и в полном объеме оценить уникальную работу художника, о которой многие знали, но очень немногие видели.

В.П. Старк

К «ОНЕГИНУ»

Так звонко пересеклись линии судеб, что осуществление моей давней мечты – проиллюстрировать Пушкинского «Евгения Онегина» – стало возможным. Пушкиногорье оказалось для меня самым любимым и родным местом на земле. Как заметил А.С. Пушкин,

В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.

Каждый раз, подъезжая к Пушкинским Горам, как будто ныряешь под хрустальный купол пространства творческой свободы, точно зная, кто Гений этого места.

Идея оформить «Евгения Онегина» родилась давно. Сначала она робко постучалась, потом сыграла партию «быть или не быть» и, наконец, повела за собой, являя композиции в деталях. И тогда я увидела Татьяну и Ольгу, Онегина и Ленского. И это было просто. Ведь каждое лето мы бродили одними тропинками.

Действие пяти глав «Онегина» происходит (условно) в атмосфере усадеб Михайловского и Тригорского, в их чудесных просторных парках с извилистой речкой Соротью. Размышления и поступки героев рождались в этих реальных природных декорациях. Тут по-прежнему живут «задумчивые дриады», летают аисты, сороки, трясогузки. Липы останавливают ветер свои лирными ветвями, ивы удваивают серебро в озерных отражениях, белые горбатые мостики всегда

готовы дружески соединить берега. Пушкинская поэзия насытила эти места энергией творчества и навсегда осталась жить здесь.

Говорят, что стихотворные произведения Пушкина невозможно переводить на другие иностранные языки, так как теряется глубинный смысл, живущий только в родном, уплощается и упрощается образная палитра. О, счастье нам, художникам, умеющим изъясняться на языке изобразительном.

Для себя я давно выбрала язык объяснения с «Онегиным». Это – искусство силуэта. Точное и пластичное, как Пушкинская строка. Силуэт лаконичен, как тень от предмета. Зрителю силуэт предоставляет возможность включить свою фантазию.

Искусство силуэта называют «торжествующей двухмерностью». Дело имеешь с черной бумагой и маленькими ножницами. Это своеобразная игра в «чуть-чуть». Чуть – на толщину карандашной линии меняешь абрис – силуэт меняет образ. Занятие силуэтом требует особой настройки, ёмкой концентрации, сосредоточенности и деликатной решимости.

А еще мне хотелось ввести элемент каллиграфии, которая дает возможность полюбоваться точеной ясностью Пушкинского слова. Кстати, каллиграфией и силуэтом часто оформлялись альбомы уездных барышень, так любимые в 19 веке.

В начале 20 века Пушкинского «Онегина» иллюстрировали силуэтом дважды. Хочется с благодарностью вспомнить этих талантливых художников. Первый – это В.В. Гельмерсен, сотрудник царской библиотеки, позже работник Русского музея, позже узник лагеря Соловков. Второй – В.А. Свистальский, ученик Фаворского, талантливый молодой художник, также узник лагеря Соловков. У каждого из них был свой особенный силуэтный Онегин.

Бегут времена, пролетают эпохи, меняются ритмы жизни. Идея нашего проекта начала 21 века – совместить традиционные искусства силуэта и каллиграфии с новейшими технологиями компьютерного графического дизайна. Поэтому нашу книгу оформили два художника – силуэтист и компьютерный дизайнер. То, что из этого получилось, мы с радостью представляем читателям Пушкинского романа в стихах.

Эта книга – первый проект совсем недавно образованного Санкт-Петербургского Общества мастеров каллиграфии, монотипии и силуэта. Мы верим, что наши изящные искусства должны жить и развиваться в бурный век технических возможностей. На данный момент мы собрали интересных и редких художников, за последние годы провели 6 международных фестивалей монотипии, фестиваль силуэта, 3 международных выставки каллиграфии. Интерес к нашим искусствам растет. Поверьте, эти камерные искусства способны творить чудеса! Мы готовы к сотрудничеству. Наши способности и таланты находятся в состоянии сжатой пружины, они мечтают вырваться в реальность, найдя свое воплощение в книгах, альбомах, выставках, фестивалях, мастер-классах.

Художник Арина Даур

Нынешний год богат на юбилеи, связанные с музейной историей, музейными традициями. 90-летие образования Пушкинского Заповедника почти совпадает с 95-летием его доброго и преданного друга, замечательного питерского графика В.М. Звонцова. Который, в свою очередь, ровно 55 лет назад вместе с легендарным директором музея-заповедника С.С. Гейченко положил начало традиции летних практик студентов-первокурсников Института им. И.Е. Репина. Об этом его давний рассказ – в память, наставление, размышление.

СЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Четверть века продолжается летняя практика студентов Института имени И.Е. Репина в Пушкинском заповеднике! Разве это не замечательно? Думал ли я, предлагая в 1957 году на кафедре графики избрать заповедник местом практики, что дело примет такой размах, а сама практика станет доброй традицией?

<...> в июне 1957 года мы привезли в заповедник первую группу студентов-графиков. После, на протяжении многих лет, мне довелось быть руководителем практики. <...> Сегодня хотел бы кратко напомнить о том полезном, что содержалось в опыте первых десятилетий практики и что, по моему убеждению, следовало бы сберечь и приумножить. Замечу сразу: нам не удалось бы достигнуть признанных ныне всеми хороших результатов, <...> не будь постоянной деятельной помощи со стороны всего коллектива Пушкинского заповедника и, прежде всего, его директора - Семена Степановича Гейченко, всегда относящегося к студенческой практике как к одному из своих кровных, непреходящих дел.

В первые же дни мы с Семеном Степановичем намечали довольно обширный <...> план работы с молодыми художниками. В нем удачно сочетались учебные задачи с интересами заповедника. Дело начиналось с увлекательных обзорных экскурсий по мемориальным местам. Чаще всего их проводил сам С.С. Гейченко. Сначала это были беседы в Михайловском, Тригорском, Петровском, в Святогорском монастыре. Затем круг ознакомления расширился пешими походами и поездками на озеро Белагули, в Велье, Алтун, Выбор и другие места.

Отличительной особенностью практики тех лет было завершение ее станковой композицией на пушкинскую тему. Помню, в институте многие сомневались в реальности такой программы для первого курса. Но что было затруднительно или невыполнимо в другом месте практики, стало возможным в пушкинских местах. На протяжении ряда лет студенты успешно справлялись с такой задачей и создавали интересные композиции. Мне до сих пор памяты такие удачные работы, как «Пушкин на прогулке» — Коковкина, «Пушкин на берегу Маленца» — Махонина, «Общество в Тригорском» — Орловой, «Пушкин в Михайловском» — Филипповой и ряд других. Многие из этих композиций после поступили в фонд заповедника. В помощь студентам мы с директором Гейченко разрабатывали перечень тем, сюжетов, связанных с жизнью Пушкина в Михайловском, с историей и современностью пушкинского края, с деятельностью заповедника. <...> Одновременно мы сообщали список рекомендуемой литературы, и библиотека заповедника бывала предоставлена в распоряжение студентов.

Примерно к концу первого месяца каждый из студентов, избрав сюжет и получив наше одобрение, приступал к сбору материалов. Тут приходил черед более длительным и конкретным индивидуальным консультациям, на которые были щедры и сам Семен Степанович, и все научные сотрудники. Накопление композиционного материала сопровождалось и дополнялось литературными чтениями, музыкальными вечерами, просмотром документальных кинолент. Семен Степанович нередко приводил к студентам известных поэтов, музыкантов, артистов — гостей заповедника. Все это, в сочетании с неповторимой природой <...>, создавало атмосферу, благоприятную для серьезной работы <...>.

Обязательные задания учебной программы мы с каждым годом совершенствовали и старались сделать их такими, чтобы студенты максимально использовали пребывание на природе, получили то, чего лишены в городских условиях. Например, требовалось выполнить не только рисунки деревьев, трав, домашних животных и прочее, но также — этюды раннего утра и позднего вечера. Тут выяснялось, что некоторым из молодых людей почти не приходилось наблюдать на лоне природы заход солнца и встречать восход его, видеть ночные туманы. Всеми мерами мы старались сократить так называемые длительные постановки на пленэре или вовсе избежать их. Уж очень вялыми, безрадостными, бесцветными получались позирующие старики, девочки с велосипедами, васильками и без оных. И наоборот: бодростью, живописью, энергией отличались этюды и рисунки, сделанные в поле, на скотном дворе, на базаре, на деревенских улицах. Пасущиеся стада, сенокос, кузница, работа плотников куда больше увлекали студентов, чем унылые, дремлющие натурщики.

Бывали занятия и другого рода. Приводили мы с Семеном Степановичем практикантов на хозяйственный двор. Там лошади, телеги, трактора, косилки. А ведь запрягать лошадь никто из студентов не умел! Начинался еще один урок, для графиков обязательный. Чтобы впредь не рисовали пушкинскую тройку с четырьмя оглоблями или что-нибудь подобное.

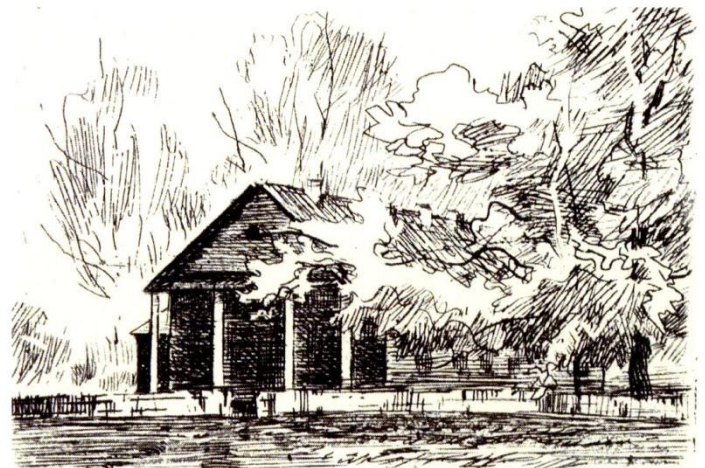
Очень сближало студентов с природой обязательное лесное житье. Несколько дней мы готовились: запасали продукты, собирали снаряжение: от альбомов и этюдников до топора и пилы. Отправлялись пешком или на лодках в глухое лесное место, где-нибудь на берегу реки Великой. Жили лагерем от трех до пяти дней. Строили шалаши, запасали дрова, готовили простую еду и много рисовали. Вечерами у костра вели нескончаемые разговоры, пели, разыгрывали остроумные интермедии и пародии. В эти дни я узнавал студентов с какой-то новой стороны. Некоторые быстро и сноровисто осваивались на природе, иные же впервые орудовали топором, учились разводить костер, отличать съедобные грибы от поганок, ориентироваться в лесу. Иногда, в конце лесного житья, загоревшие, прокопченные дымом и искусанные комарами студенты упрашивали продлить лесную жизнь на денек-другой. Выворачивали карманы, считали деньги и отряжали гонцов в ближайшую деревню за хлебом и картошкой.

Завершалась практика выставкой лучших студенческих работ, открывавшейся торжественно, в присутствии многих зрителей! А заповедник всегда печатал небольшую памятку-каталог - первый каталог в жизни начинающих художников. На прощание в каком-нибудь красивом уголке, отведенном для нас Семеном Степановичем и при его обязательном участии, устраивался пикник. Спортивные состязания и «народные игрища» в старинном духе, купание, ужин у костра сменяли друг друга. Какие остроумные представления готовились к этому дню! Какие песни пелись!

Проходили годы, и я встречал бывших практикантов. Все они с любовью <...> вспоминали дни первого знакомства с заповедной землей Пушкина. Многие потом самостоятельно приезжали сюда, привозили семьи, привозили детей своих. Многие стали друзьями и верными помощниками заповедника. Многие посвятили пушкинской теме свои произведения. Я же о себе могу сказать, что лучшее из всего, что мною создано до сих пор, рождено в Пушкинском заповеднике. Снова и снова убеждаемся мы в огромной пользе практики в Пушкинском заповеднике для формирования молодых художников. Более близкое знакомство с Пушкиным, с русской историей, с русской природой благотворно сказывается на их творческом, культурном развитии. На всю жизнь сохраняют они благодарную память о пушкинском крае и признательность тем, кто ныне бережет эти священные места. Славная традиция практики студентов-художников в Пушкинском заповеднике не должна прерваться!

В. Звонцов, заслуженный художник РСФСР

Впервые опубликовано в газете «Пушкинский край» от 9 июня 1981 г.

В.М. Звонцов. Тригорское. Усадьба. 1969